

Суббота, 8 мая 1999 г.

ПОДРОБНОСТИ

№ 81 (21525)

театральной жизни — тогда и теперь

Театр
Радлова:

без вины виноватые

Об этом театре помнят разве что в профессиональных кругах: сначала театр-студия, Молодой театр, потом театр под руководством Радлова и, наконец, — Театр имени Ленсовета. Помнят еще, наверное, те блокадники, которые сидели в мерзлом театральном зале со сведенными от недоедания животами и внимали душераздирающим мучениям принца Датского. Но тех зрителей осталось очень мало. О невероятно популярном театре Сергея Радлова постарались забыть еще во время войны. После нее для большинства радловских артистов путь в театральный Ленинград был закрыт, а за спинами шептались: «Они были в оккупации».

...Четырнадцатилетняя девчонка, бегущая с подружками на спектакль, — это Вероника Гусева. Ее знает, наверное, вся школа: еще бы — племянница ведущей актрисы театра Радлова Тамары Якобсон. Каждый день на переменках в школе подходят, интересуются: «Кто сегодня играет?», «На кого пойдем?». На дворе — сентябрь, начало учебного года и начало бомбежек. А театр работает и не пустеет, Радлов ставит новые спектакли: тургеневскую «Провинциалку», «Эмилию Галотти» Лессинга, «Без вины виноватые» Островского... Тамара Якобсон — «Дама с камелиями» — худящая, тени под глазами. Публика рыда-

ет над судьбой героини и на два часа прячется от голода.

...Конец декабря. Зрители сидят, не раздеваясь, — в валенках, платках, кутаясь в шубы и ватники, от голода подташнивает, а на сцене — такие же несытые «коронованные» обитатели бархатного Эльсинорского замка (все детали в бархате, без дерева — находка Радлова). Вдруг — воздушная тревога... за несколько недель научились отличать звук «наших» и «не наших» самолетов. Спектакль прерывается, кто-то спускается в подвал. «А мы, девчонки, сидим, как ни в чем не бывало, — вспоминает Вероника Николаевна. Страх был, но не ско-

ывающий, а такой: пролетел самолет, и ладно. Не верили, наверное, что вот так вдруг может случиться смерть». В здание театра бомба не попала ни разу.

До января, до настоящего голода, театр играл. Вся труппа жила в том же здании, на казарменном положении. «Знаете, отчего люди ходили на спектакли? — говорит Вероника Николаевна. — Не на праздник, а чтобы «поесть», только пища была другая: мы страдали от недостатка физической еды, снежную воду пили, а театр, книги, музыка кормили нас». Доказательство — блокнотик, в который Вероника перерисовывала сюжеты с открыток. Старательно, подолгу, стараясь успеть при дневном свете. А сюжеты — один к одному: «все про еду». И умудрялась давать уроки музыки в блокаду, заработала кубометр дров и буханку хлеба.

В январе театр прекратил работу: не было тока. Когда открыли дорогу через Ладогу, пришла «тетя Тамара» и сказала, что театр эвакуируют в Пятигорск. В пути были 23 дня, многие актеры до Пятигорска не доехали, погибли от голода. Кто-то умер уже там, от не-

сварения желудка — «от обжорства». А едва приехали и открыли театр, к городу подступили фашисты. «Радлов постоянно просил начальство: вывезите нас, а власти тянули, тянули. Наконец разрешили, и вот, когда мы уже «сидели на чемоданах», в пять утра в Пятигорск тихо-спокойно, без перестрелки вошли немцы. Встал вопрос «как жить?». Радлов сплотил коллектив настолько, что все единодушно решили продолжать играть, и только на русском». Режиссер старался всем дать работу, тогда Вероника «из племянницы» стала «молодой артисткой». А на спектакли захаживали немцы, все больше на Шекспира. Посмотрят — и уйдут, без ругани, без угроз, не требуя перевода.

Потом всю труппу небольшими партиями отправили в Германию. Наверное, там впервые Вероника поняла, что смерть все-таки может прийти вот так, вдруг: «Бомба попала в дом. Мне двадцать лет, я задыхаюсь, рвусь из подвала и ору: «Жить хочу! Жить хочу!!!» И выгнала как-то маму с бабушкой на берлинскую площадь». Еще очень боялась офицеров, но ни-

когда не забудет, как однажды (это было еще в Запорожье) ее, с порезанной до кости ногой, донес до жилья простой немецкий солдатик. Об этом Вероника Николаевна никому не рассказывала — тем более следователю в Москве, на допросах.

Там, в Берлине, актеры объявили уже настоящую забастовку, ничего не играли. После лагеря Винета, где был «второй голод», немцы раскидали труппу по частям. Ту группу, в которой были Радлов, Якобсон и Вероника, отправили во Францию, в Экбель. Начался третий голод. Бывали удачные дни, когда с разбитых кораблей ближе к берегу прибывало ящики с продуктами. Тогда один молодой актер, отличный пловец, собирал в заминированном море эти припасы. Так и жили, пока не пришла наша армия. А когда советские войска вошли во Францию, Радлов возобновил спектакли. Ездили по лагерям, которых была тьма-тьмушая, играли.

Вскоре Сергея Радлова арестовали, доставили в Москву, и — приговор: десять лет. Актеры этого не знали, просились в Россию,

а посол во Франции, естественно, человек осведомленный, уговаривал: не торопитесь, переждите здесь, продолжайте давать спектакли в лагерях. А те все просились. И напросились: их привезли ночью в Москву, «в какое-то заведение с тараканами, клопами, крысами», и каждую ночь гоняли на допросы.

Через месяц Веронику с семьей освободили, но Ленинград их «впустил» только через год. Никого из радловских актеров театральный Ленинград не принимал. Тамара Якобсон сыграла было в одном театре роль с большим успехом, а через месяц ее уволили. Уехала в Норильск, работала там со Смоктуновским. Потом в Ленинграде стала работать на эстраде — тоже с успехом. Веронику, к тому времени актрису с немалым «военным» опытом, так и не приняли в театральный институт, несмотря на одни пятерки на вступительных.

Спектаклей Сергея Эрнестовича Радлова, заслуженного деятеля искусств России, Ленинград больше не видел.

Анастасия ДОЛГОШОВА

Артистка театра Радлова
Тамара Якобсон.

ЛЕНИНГРАД